

КРИЗИС СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОВЕСТИ Б.А. ЛАВРЕНЁВА «СОРОК ПЕРВЫЙ»

Гречишкина Алла Николаевна

Аспирант, Херсонский Государственный педагогический
университет
allapolkovnikova@yandex.ru

THE CRISIS OF SOCIAL IDENTITY IN THE STORY OF B.A. LAVRENEV "THE FORTY-FIRST"

A. Grechishkina

Summary: This article examines the problems of searching for a person's social identity in a crucial period of the era using the example of the story of B.A. Lavrenev «The Forty-first». The crisis of social identity in the context of political and social changes is an urgent problem faced by a significant number of people. The urgency of overcoming this crisis puts individuals in front of the need to choose the most effective adaptation strategy, while determining a successful behavior model becomes a determining factor in the interaction of the individual with the social environment.

For the most detailed consideration of the problems of the crisis of social identity in the story of B.A. Lavrenev «The Forty-first», we used the hermeneutic method, as well as interdisciplinary methods such as the method of content analysis and the historical and psychological method, some private scientific methods specifically sociological and socio-cultural, allowing us to study the close relationship of the features of the author's embodiment. the crisis of the characters' social identity with social and personality-psychological phenomena against the background of the historical context of the period of the 1917 revolutions in Russia and the subsequent Civil War.

Keywords: social identity, personality, individual, crisis, Lavrenev, Forty-first.

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы поиска социальной идентичности личности в переломный период эпохи на примере повести Б.А. Лавренёва «Сорок первый». Кризис социальной идентичности в условиях политических и социальных изменений представляет собой насущную проблему, с которой сталкивается значительное количество людей. Актуальность преодоления этого кризиса ставит индивидов перед необходимостью выбора наиболее эффективной стратегии адаптации, при этом определение успешной модели поведения становится определяющим фактором взаимодействия личности с социальной средой.

Для наиболее детального рассмотрения проблематики кризиса социальной идентичности в повести Б.А. Лавренёва «Сорок первый» нами был использован герменевтический метод, а также такие междисциплинарные методы, как метод контент-анализа и историко-психологический метод, некоторые частнонаучные методы, в частности, конкретно-социологический и социокультурный, позволяющие изучить тесную взаимосвязь особенностей воплощения автором кризиса социальной идентичности персонажей с социальными и личностно-психологическими явлениями на фоне исторического контекста периода революций 1917 года в России и последующей Гражданской войны.

Ключевые слова: социальная идентичность, личность, индивид, кризис, Лавренёв, Сорок первый.

Литературное наследие Б. Лавренёва – знаковое явление русской и советской литературы. Незаслуженно забытое в последние десятилетия, его творчество сегодня с нарастающей силой интересует и рядового читателя, и исследователя отечественной прозы XX столетия.

Повести Б.А. Лавренёва «Сорок первый» посвящены исследованиям Лейдермана Н.Л., Гуань Линьли, Треусовой Ю.М., Геронимуса Б.А., Суркова Е.Д. и других ведущих литературоведов. Так, Лейдерман Н.Л. исследовал повесть с точки зрения изучения метажанра, получившего в литературоведении название «поэма в прозе». Гуань Линьли рассматривал повесть Б.А. Лавренёва «Сорок первый» как материал к изучению трагических аспектов жизни в трактовке русских советских писателей 20-х и 70-х годов XX века. Треусова Ю.М. в своих исследованиях изучала повесть в качестве литературного материала модификации сюжетно-фабульной модели «любовь дикаря» как важного элемента про-

светительской и романтической литературы. Вместе с тем, проза Б.А. Лавренёва практически не изучалась с точки зрения художественного воплощения в ней кризиса идентичности человека, чем и обусловлена необходимость рассмотрения проблемы кризиса социальной идентичности человека в повести Б.А. Лавренёва «Сорок первый».

Сложную и драматичную картину кризиса социальной идентичности человека многопланово репрезентирует Борис Андреевич Лавренёв в своей повести «Сорок первый», написанной в 1924 году – автор показывает кризис идентичности на примере не только главных героев, но и второстепенных, что позволяет читателю ощутить настроение кризисности эпохи в целом. Поэтика повести «Сорок первый» вызывает, на наш взгляд, особый интерес: благодаря умелому конструированию образов, которые создаёт автор, читатель получает абсолютно чёткое представление о героях, ощущающих кризис социальной самоидентичности.

Выходец из семьи преподавателя гимназии, защитник Отечества в Первой мировой войне, белый офицер в начальный период гражданской войны, Борис Андреевич Лавренёв (1891–1959) чётко определил своё место в бушующем мире политических переустройств: он занял позицию большевиков и стал впоследствии советским писателем, публицистом, журналистом. В 1924 году в печать вышли сразу три повести Лавренёва – «Ветер», «Звёздный цвет» и «Сорок первый», сделавшие их автора известным.

В этот же период большой успех на театральной сцене имела его драма «Разлом» (1928), в годы Великой Отечественной войны Б.А. Лавренёв хорошо известен своими публикациями в центральных газетах как военный корреспондент. Неудивительно, что и герои произведений Б.А. Лавренёва также сталкиваются с проблемой социальной идентичности и определения своей политической и общественно-нравственной позиции.

В данной статье важным является термин социальной идентичности, активно используемый в научных исследованиях современных социологов. Одним из первых о важности социальной идентичности человека высказался Курт Левин (1948), который полагал, как отметила в своём исследовании Микляева А.В., «что человек нуждается в прочном ощущении групповой идентификации, чтобы сохранять ощущение внутреннего благополучия» [9: 12]. Впоследствии данное понятие было актуализировано в рамках психоанализа в связи с проблемой социальной идентичности. Весомый вклад в развитие данного понятия был сделан благодаря научным трудам Эрика Эриксона – понятие «идентичность» получило статус самостоятельной научной категории. Кроме того, в качестве предпосылок формирования современного концепта социальной идентичности необходимо остановить особое внимание на формировании идеи представителей символического интеракционизма – Ч. Кули, который, в частности, позиционирует идентичность как изначально социальный феномен. Значительный вклад в разработку теории межгрупповых отношений и теории социальной идентичности внесли работы представителя польской социологии Анри Тэшфела, согласно которым осознание человеком его места в социуме базируется на отнесении себя к определенной социальной группе.

Необходимо отметить, что тема кризиса идентичности человека в современном гуманитарном знании является актуальной проблемой. Впервые опасность уязвимости человека, противопоставления социуму и проблему внутренних конфликтов своего «я», выражающихся в болезненных переживаниях, обозначил как кризис идентичности немецкий философ В. Хёсле ещё в 90-ые годы XX века. в то время, как особенно остро кризис личной идентичности, выражается, безусловно, в самые драматические периоды истории – в периоды политических преобразований и общенациональных потрясений.

«Социальная ситуация нестабильности общества усложняет задачу обретения человеком идентичности, так как размываются социальные стереотипы, ценности и нормы» [8: 254]. Ситуация самоопределения идентичности человека усложняется в такие периоды ещё и тем, что человек вынужден не только формировать собственную целостность как личности, но и отождествлять себя с определённой политической и/или социальной группой. Только в таком единстве возможно достижение необходимой гармонии: «Индивид начинает ощущать себя совокупностью самых разных ролей, которые ему приходится исполнять, и в которых присутствует лишь самая минимальная часть его целостности» [2: 85].

По мнению В. Крылова, «идентичность выражает самость индивида, обеспечивает его ориентирование и взаимодействие в различных ситуациях и позволяет как определить место человека в обществе, так и дифференцировать в нём его место» [4: 97]. Весь XX век в России отмечен периодами культурно-исторического кризиса: это период революционных потрясений первой четверти XX века, это период осознания себя и своей позиции в период репрессий 30-х годов, в суровые для страны годы Великой Отечественной войны, в годы «оттепели», в годы «перестройки» и в постсоветский период истории нашей Родины. Одной из таких кризисных эпох остался в истории период революций 1917 года и Гражданской войны.

Как личность человек наиболее комфортно существует в привычной ему среде – социальной, культурной, прежде всего, политической. Для него всё привычно и понятно – он уже нашёл в этой среде своё место или идёт по выбранному пути. Если в истории страны наступает переломный момент, рушатся и абсолютно видоизменяются основные приоритеты в политической жизни общества, соответственно, с этим будут связаны глобальные изменения в социальной и культурной жизни общества. В этой ситуации человек либо полностью принимает происходящие события, либо не принимает их вовсе, либо находится в поиске правильного для себя решения. В любом случае личность оказывается в ситуации выбора – либо разделяет новые политические предпочтения, либо представляет оппозиционные взгляды, либо, следуя инстинкту самосохранения находит возможные формы взаимодействия с новой властью. Гражданская война как форма вооружённого конфликта в результате двух российских революций 1917 года, Февральской и Октябрьской, глубоко драматична – война между группами населения в рамках одной страны ярко и болезненно остро обозначила кризис самоидентичности личности в противостоянии любимым людям своего круга, друзьям или родственникам, выбравших другую политическую позицию.

По мнению Н.Л. Лейдермана, автор «Сорок первого» считает, что именно «ситуация взаимонепонимания... служит источником острейших социальных конфликтов,

доходящих до жестоких кровопролитий» [7]. Однако вопреки различию культур, «классовые враги», как их совершенно чётко обозначает автор, могут не только выручить друг друга в экстремальной ситуации, но и, забыв об ужасе идущей войны, с одинаковой силой и искренностью чувств воспринимать ласку, заботу, любовь.

Б.А. Лавренёв, будучи сам человеком новой формации, приверженцем революционных взглядов большевиков, чётко обозначает идеологические границы героев своей повести как политических врагов. По мнению Е.Д. Суркова, «он (Лавренёв) был родом из революции... Между писателем и человеком ведь в нём не было ни малейшего зазора» [5: 9]. История, рассказанная автором в повести «Сорок первый», личностна, так как прототипов героев своей повести автор знает лично, проста и глубоко трагична в своей простоте: во время Гражданской войны по пескам Средней Азии движется отряд красных. Единственная девушка среди них – Марютка, снайпер отряда, имеет на счету сорок убитых ею белогвардейцев. В плен попадает белый офицер, дворянин, гвардии поручик с исконно русской дворянской фамилией Вадим Николаевич Говоруха-Отрок. Судьба заносит их двоих на необитаемый остров, чтобы подарить им недолгую пору счастья взаимной любви. Но при появлении на горизонте баркаса белых на какой-то момент девичью любовь побеждает классовый долг. Отменный снайпер, Марютка стреляет и в ужасе от содеянного оплакивает сорок первого уничтоженного ею классового врага.

В письме к Б.А. Геронимусу Б.А. Лавренёв подчёркивает: «В образ Марютки целиком вошла девушка-доброволец одной из частей Туркфронта Аня Власова, часто бывавшая в редакции «Красной звезды» со своими необычайно трогательными, но нелепыми стихами, которые мною и цитированы без изменений в повести. А Вадим Говоруха-Отрок такой же реальный поручик, захваченный одним из наших кавалерийских отрядов в приаральских песках. Я и свёл этих персонажей вместе, придумав робинзонаду на острове Барма-Кельмес» [1: 97].

В. Кардин, анализируя образ главной героини, отметил: «в Марютке (сочетаются) лиризм и решительность, неуступчивость и мягкость, грубость и душевная чистота» [3: 65]. Однако на протяжении всей повести Марютка остаётся верна сама себе, она абсолютно чистосердечна в своей любви и, в то же время, беспощадна в сменившей её ненависти к классовому врагу: всё действие повести укладывается в промежуток между двумя выстрелами Марютки. Промахнувшись впервые в жизни, она получила шанс на любовь, вторым прицельным беспроигрышным выстрелом в конце повести она уничтожает своего классового врага, лишая себя счастья.

Интересно, что для писателя важно показать весь драматизм сложившейся постреволюционной ситуации в Рос-

сии – раскол в обществе очевиден, трагедия гражданской войны находится в пиковой фазе, той, что впоследствии принято будет называть «идёт брат на брата», в разгаре братоубийственная война. И в этот период характер процесса самоидентификации очевиден: «процесс самоидентификации основан на самопознании и самоопределении. Разделяют личностную самоидентичность («кто я сам?») и различные виды коллективной идентичности («с кем я?»)» [10: 97].

Однако на фоне исключительно политического разделения человеческие качества, душевные возможности, способность к любви и видению прекрасного наоборот объединяют Марютку и Говоруху-Отрока, сердечная привязанность вытесняет ожесточённость и ненависть, что и составит основу будущей трагедии. Этот момент является поворотным в сюжете, его значимость для собственного мироощущения осознают сами герои. Момент, когда Марютка совершает роковой выстрел, можно назвать переломным с точки зрения кризиса социальной идентичности главной героини – она борется с классовым врагом, вновь чётко занимая выверенную социальную и политическую позицию: «Марютка воткнула зрачки в бот и увидела... На плечах человека, сидевшего у румпеля, золотом блестели полоски. Метнулась всполошенной насадкой, задергалась. Память, полыхнув зарницей в глаза, открыла... слова: «На белых нарвётесь ненароком, живым не сдавай» [5: 154].

Абсолютно разные – крестьянская девчушка, не умеющая правильно сказать пару фраз, и начитанный, умный, интеллигентный белогвардейский офицер на языках разных культур говорят об одном – о том, что они обрели душевную гармонию, что сейчас для них, и это абсолютно не соответствует политическому моменту, любовь важнее и нужнее войны.

Однако несмотря на чувства, которые офицер-белогвардеец в настоящий момент испытывает, у него есть вполне сформированная идейная позиция и представление о возможностях пролетариата в качестве руководящей государственной силы: «если мы за книги теперь сядем, а вам землю оставим в полное владение, вы на ней такого натворите, что пять поколений кровавыми слезами выть будут. Нет, дура ты моя дорогая. Раз культура против культуры, так уж тут до конца...» [5: 153].

В конце повести, также, как у уставших от борьбы красноармейцев, у поручика нет сил на борьбу. Поэтому крайне важен заключительный «саморазоблачительный» монолог Говорухи Отрока: «очертенела мне вся эта чепуха. Столько лет кровищи и злобищи... Не хочу я больше правды – покоя хочу... Странно мне только, что ты, девушка, огрубела настолько, что тебя тянет идти громить, убивать с пьяными, вшивыми ордами» [5: 150–151]. И.С. Эвентов в критико-биографическом очерке «Борис Лавренёв» пишет: «в творческом развитии Лавренёва повесть эта имела тем большее значение, что в ней писатель

изжил мелкобуржуазно-романтическое представление о революции как о разбушевавшейся народной стихии... он отразил в повести красоту и величие революционного подвига» [11: 25]. Мы считаем необходимым уточнить выводы И.С. Эвентова об основном идейном послании повести «Сорок первый» – напротив, на наш взгляд, автор так тонко чувствует своего персонажа, что у читателя возникает полное ощущение того, что словами Говорухи-Отрока высказывает Б.А. Лавренёв свою точку зрения.

Как справедливо заметил В. Кардин, «когда время установлено, когда герои один за другим покинут поле действия – кто падёт в бою, кто утонет в море, останутся лишь двое, и это будет повесть о любви, побеждающей обстоятельства и время. Только недолго торжествует любовь, её предстоит оплатить смертью» [3: 59].

Говоруха-Отрок видит парус, люди в лодке – с погонями, значит – белые. И в этот момент «внезапно он услышал за спиной оглушительный грохот, гибнущей в огне и буре планеты [5: 154]. «В маслянистом стекле расходились красные струйки из раздробленного черепа. Марютка шагнула вперед, нагнулась...шлепнулась коленями в воду, попыталась приподнять мёртвую, изуродованную голову и вдруг упала на труп, колотясь, пачкая лицо в багровых сгустках, и завывала низким, гнетущим воем» [5: 155]. По определению В. Кардина, «противоречие социальное достигает драматического противоречия чувства и долга» [3: 62].

Крайне важна заключительная фраза повести: «С врезавшегося в песок баркаса смотрели остолбенелые люди» [5: 155]. Не красные, не белогвардейцы, а люди! Уничтожены любовь и такое близкое, казалось бы, абсолютно реальное счастье. Главным героям как представителям противоположных политических предпочтений не удалось сохранить хрупкий баланс между идейной позицией и взаимными чувствами.

Согласно определению Н.Л. Лейдермана, «в русской литературе 1920-х годов весьма заметное место занимает художественное течение, которое получило название «поэма в прозе» [7]. Чуткий к особенностям литературного языка и жанровому своеобразие времени, Б.А. Лавренёв подчёркивает проблематику идентичности в повести «Сорок первый» с помощью широкого спектра стилистических средств, присущих именно «поэме в прозе». Особенно интересно, на наш взгляд, использование в качестве стилистического инструмента стилистики сказа. Стилистику сказа Б.А. Лавренёв активно использует для создания образа главного героя «поэмы в прозе» – народной массы – с присущим пафосом, убедительно искренне поёт автор гимн революции и её защитникам, для которых идея стоит превыше всего.

В статье 2008 года «Кровавый карнавал. «Поэмы в прозе» 1920-х годов: поэтика и семантика» Н.Л. Лейдер-

ман уточняет особенности использования Б.А. Лавренёвым семантики формы лиро-эпической поэмы, которая «прежде всего ориентировала на постижение внутреннего мира личности, переживающей острый конфликт между духовными идеалами и низкой реальностью» [6: 245]. Широкий спектр языковых средств работает в повести Б.А. Лавренёва над созданием показательной силы народной победы. Чтобы максимально поляризовать персонажей своей повести, автор выбирает имена для них в чётком соответствии с традициями времени: героиню из народа писатель именует не иначе как сниженным от Марии именем Марютка, в свою очередь белогвардейский офицер является потомственным обладателем исконно русской дворянской фамилии Говоруха-Отрок. Насыщенность стилистики сказа повышается автором за счёт использования формы «сказ в сказе» – каждая глава повести носит своё название: «Глава пятая, целиком украденная у Даниэля Дефо, за исключением того, что Робинзону не приходится долго ожидать Пятницу» [5: 134] или «Глава десятая, в которой поручик Говоруха-Отрок слышит грохот погибающей планеты, а автор слагает с себя ответственность за развязку» [5: 152].

Интересно, что изначально автор намеренно отводит каждому из своих персонажей чётко персонифицированное согласно классово-политическому канону «поэм в прозе» место: старый большевик-командир, круглая сирота девушка-красноармеец, беззаветно преданная революции, и классовый враг – недобитый белогвардейский офицер. Однако, создав необходимый героический контекст будущего смертельного испытания, Б.А. Лавренёв, воплощая в поэме реальность жизни, иначе расставляет акценты. Выбор между политической позицией встанёт не только для сторонников монархической власти и защитников революции, молодой советской республики, то есть для белых и красных. Автор акцентирует внимание читателя на неуверенности персонажей и поиске ими своего места в сегодняшней жизни даже внутри одной идеологической группы, на так называемые разброд и шатания: «...двадцать три, что ушли с Евсюковым на север из смертного сабельного круга, красноармейцы как красноармейцы. Самые обыкновенные люди... Смотрел поочередно комиссар в глаза двадцати трёх. Не видел уже огня, к которому привык за год. Мутны были глаза, уклонялись, и метались под опущенными ресницами отчаяние и недоверие» [5: 118]. Иные, как, например, командир Евсюков, одержимы будущей победой, живут этой мечтой, поэтому просто не видят другого выхода из ситуации: надо всеми силами не только поддержать и укрепить в душе у каждого красноармейца надежду на спасение и победу, но и самому не сойти с выбранного пути, остаться примером стойкости и мужества, потому что на командира равняются остальные. «Верует (Евсюков) в Совет, в Интернационал, Чеку и в тяжёлый воронёный наган в узловатых и крепких пальцах. «Кончы! Мой приказ – на заре в путь. Може, не все дойдём, – шатнулся испуганной птицей ко-

миссарский голос, – а идти нужно... потому, товарищи... революция вить... За трудящих всего мира!..» [5: 118].

Абсолютно противоположную по силе духа позицию занимает молодой белогвардейский офицер: «Подошёл однажды к нему Евсюков, посмотрел в ультрамариновые шарики, выдал хриплым лаем: «...С чего это у тебя сила такая?». Повёл голову поручик с всегдашней усмешкой, спокойно ответил: «Не поймешь. Разница культур. У тебя тело подавляет дух, а у меня дух владеет телом. Могу приказать себе не страдать» [5: 129]. Н.Л. Лейдерман пишет: «Насколько эта ситуация не совпадает с классовыми шаблонами революционной словесности: изнеженный барин и всё способный претерпеть мужик. Тут же выдубленный жизнью мужик валится с ног, а тоненький интеллигент-белоручка держится. Держится силой духа, самодисциплиной культуры, не позволяющей распускаться, терять человеческий облик» [7].

Красные и белые для писателя непоколебимо занимают политические позиции плюса и минуса. Автор разводит героев своей повести по разные стороны баррикад в соответствии с их убеждениями – это убеждённые политические враги, за исключением главной героини Марютки, позволившей себе кратковременное чувство привязанности к представителю другого класса и иного мировоззрения. В связи с этим неудивительно, что повесть Лавренёва, как и наполненная трагизмом повесть «Старуха Изергиль» М. Горького и «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове» А.П. Гайдара воспринимается часто как «романтический сказ» с присущим наличием ярко выраженного героя и его антагониста. «Мы говорим о той особой «цветистости» языка, об «орнаментальной» форме

письма, при которой на первый план выдвигается ярко расцвеченная внешняя сторона явлений; насыщенность образами, лирическая напевность, иногда и ритмическое построение фраз придавали авторской речи приподнятость, романтичность» [11: 27]. Выбранный «рассказчиком» стиль сказа в повествовании, намеренно певучий и неторопливый, подчёркивает неизбежность трагедии.

Таким образом, Б.А. Лавренёв ярко показывает в своей повести «Сорок первый» только одного героя с расщеплённой социальной идентичностью – это главная героиня произведения Марютка. Именно этот образ показан автором как фрагментарный и только в чётко обозначенный период первой реакции на трагическую ситуацию, когда чувства героини превалируют над разумом. На самом деле этот образ, как и другие, продолжает оставаться неизменной социальной константой – Марютка не пребывает в ситуации выбора и самопознания, она не ищет различных путей выхода из сложившегося положения, не пытается восстановить свой разрушенный поиском самоидентификации мир – преодолевая, так называемую, нравственную и физическую слабость, она уничтожает классового врага.

Повесть Б.А. Лавренёва является крайне актуальной и в настоящий исторический момент: выявление противоположных видов социальной концепции, полярных точек зрения человека в ситуации самопознания, самоидентификации и самоосуществления в соответствии с происходящими событиями социального и нравственного характера, внимание к переживанию личностью кризиса идентичности в период глобальных социальных катаклизмов остаётся актуальным и значимым в современный период истории нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геронимус Б. Борис Андреевич Лавренёв: М.: Просвещение, 1993. – 176 с.
2. Жукова О. Кризис идентичности как нормообразующее становление личности / Жукова О.И., Жуков В.Д. // Вестник КемГУКИ – 2014. – №29. – С. 81–88.
3. Кардин В. / Борис Лавренёв. – М.: Сов. Россия, 1981. – 176 с.
4. Крылов А. К вопросу о кризисе идентичностей / Гуманитарные науки: теория и методология, №3 / 2007., С. 95–104.
5. Лавренёв Б. Звёздный цвет / Б. Лавренёв, М.: Просвещение, 1986. – 304 с.
6. Лейдерман Н. Кровавый карнавал: «Поэмы в прозе» 1920-х годов: поэтика и семантика. Вопросы литературы: журнал критики и литературоведения, №5 / 2008, М., С. 241–267.
7. Лейдерман Н. Революция как столкновение культур. «Сорок первый» Бориса Лавренёва: опыт самокритики канона / Н.Л. Лейдерман, Литература, №1 (697), 2008-01-07.
8. Матвиенко А. Телесные трансформации как признак утраты личной идентичности героев произведений мировой литературы второй половины XX-начала XXI веков / Матвиенко А.И., Солопина Г.А. // Научный диалог. – 2021. – №11. – С. 254–269.
9. Микляева А. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования / А.В. Микляева, П.В. Румянцев. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 103 с.
10. Назаренко И. Кризис самоидентичности в сюжетах прозы младоэмигрантов / И.Н. Назаренко / Автореф. диссерт. канд. филол.н., специальность – 5.9.1 – Русская литература и литература народов Российской Федерации, Томск, 2023 г. – 24 с.
11. Эвентов И. / Борис Лавренёв / И.С. Эвентов, Ленинград: Советский писатель, 1951. – 142 с.

© Гречишкина Алла Николаевна (allapolkovnikova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»